

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО (Часть вторая. Образование как фактор обновления глубинной социальности)

С. Н. Жаров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2021 г.

Аннотация: *связь образования и общества рассматривается через введенное понятие глубинной социальности. Глубинная социальность – это неявная архетипическая общность, участвующая в сохранении и воспроизведении внешних социальных структур. Рассмотрены отношения образования и глубинной социальности в разных цивилизациях на разных этапах истории. Ответ на цивилизационные вызовы современности невозможен без модификации глубинной социальности, а это требует обновления всей системы образования.*

Ключевые слова: *образование, общество, глубинная социальность.*

Abstract: *link of education and society is analysed through the entered concept deep community. Deep community is implicit archetype participating in preservation and reproduction of social structures. Relations of education and a deep community in different civilisations became a subject of my analysis. The answer to challenges of modern epoch includes updating of deep community. It is impossible without updating of all system of education.*

Key words: *education, society, deep community.*

В первой части статьи было введено понятие *глубинной социальности*, раскрыты каналы связи между глубинной социальностью и образованием, проанализировано влияние софистического образования на глубинную социальность античных Афин [1]. Данная, завершающая часть статьи, продолжает намеченную линию анализа. В ней мы обратимся к проблемам Китая, Византии и России. Как и в первой части, образование будет рассмотрено в единстве трех измерений: *культурно-смыслового, социально-статусного и инструментального.*

Более двух тысячелетий внутренним основанием китайского социума было конфуцианство. Обычно принято считать, что к XX веку эта основа потеряла изначальную силу. Однако ситуация будет выглядеть несколько иначе, если мы рассмотрим конфуцианство в перспективе глубинной социальности, как выражение иерархически организованной органической (семейно-клановой) связи, составлявшей основу китайской жизни. Начиная с эпохи Хань, китаец «воспринимал конфуцианство как норму жизни, как завещанные предками традиции. Конечно, со временем он мог узнать другое, даже стать... даосом или буддистом. Одна-

ко... в поведении, в обычаях, в отношениях к людям... часто даже подсознательно, – он все-таки на всю жизнь оставался именно конфуцианцем» [2, с. 184–185]. Вдумаемся: речь идет не просто о конфуцианских принципах, но об их *социальном воплощении*, когда они, не манифестируя себя в понятийной форме, сохраняют действенность, будучи воплощены в социальных структурах. Иначе говоря, конфуцианство предстает в двух ипостасях – как *учение* и как *глубинная социальность* китайской цивилизации. И если первый облик действительно сошел на нет, то второй, напротив, обрел новую силу, адаптировавшись к новым (в том числе коммунистическим) идеям и став одной из внутренних основ современного китайского общества, своего рода «конфуцианским социализмом» [3–5].

Но дело не просто в самосохранении глубинной социальности. Посредством системы образования конфуцианство осуществляло историческую роль хранителя страны и государства. Во-первых, конфуцианское обучение всегда было не просто трансляцией знаний, но внутренним приобщением к традиционным ценностям; завершением были трехступенчатые государственные экзамены на знание классических текстов. Вся правящая элита формировалась

только из прошедших эти испытания. «...по существовавшему издревле обычаю самый первый из успешно сдавших экзамен (на высшую степень. – С. Ж.) имел... право стать зятем императора» [2, с. 199]. Во-вторых, уважение к конфуцианской учености было атрибутом как китайской элиты, так и всего населения. Образованный конфуцианец «знал, что его ценности признаются всеми, вплоть до неграмотного крестьянства» [6, с. 383].

На протяжении своей истории Китай не раз завоевывался чужеземцами, но военная победа в конце концов оборачивалась ментальным и организационным поглощением победителей, поскольку для управления страной не было иной альтернативы, кроме конфуцианской системы. Китайская империя «сравнительно быстро и легко “переваривала” своих завоевателей, окитаивала их, особенно их верхнюю прослойку...» [2, с. 208]. Свою силу китайская глубинная социальность сохраняла благодаря системе образования. «Конфуций считается Великим просветителем, давшим народу Поднебесной... алгоритм сохранения себя и своей культуры – преемственность... через учителя» [7, с. 229].

В то же время в традиционном образовании фактически отсутствовал инструментальный аспект, специализация на решении разного рода социальных и технических задач. Как отмечает Чжао Юн, система экзаменационного отбора чиновников «обеспечивала относительную стабильность», но она же «была причиной и того, что промышленная революция в Китае так и не началась» [8, с. 74]. Кризис китайской государственности во второй половине XIX – первой половине XX века во многом был обусловлен отсутствием инструментального измерения образования, что накладывало свою печать на менталитет правящей элиты. В этом плане интересно сопоставить историческое прошлое и современность.

Если речь идет о социальном авторитете образования, то налицо удивительное сходство между традиционным Китаем и современной культурой азиатско-тихоокеанского региона [9–11]. Несмотря на очевидные перемены, мы видим те же особенности – высочайшее уважение к образованности, авторитет учителей, внутреннюю дисциплину учеников, их старание и самоотдачу. Но к этому добавилось развитие инструментального измерения, в том числе, связанного с решением научных задач [10]. Нельзя не вспомнить и успехи китайских школь-

ников на международных олимпиадах¹. Но это, по большому счету, только малая часть достигнутых результатов. Гораздо более значимым фактом является экономическая роль Китая в современном мире, которая была бы невозможна без обновления глубинной социальности. В первом приближении глубинная социальность современного Китая может быть представлена как исторически сформированное органическое единство, реализующее свои установки не в русле старых обычаев, но опосредованно через новую идеологию и систему образования. Успешный ответ Китая на вызовы современности неразрывно связан с реформой образования, которая не обнулила силу органического единства, но позволила ей работать внутри обновленной глубинной социальности.

А теперь коротко рассмотрим роль образования в Византии, с которой связаны многие ключевые сюжеты отечественной истории и культуры. В византийском образовании доминировали культурно-смысловое и социально-статусное измерения. Мы видим высокий личностный и общественный авторитет учителей, авторитет образованности, открывавшей путь восхождения по бюрократической вертикали [13–17]. Вместе с этим присутствовал и достаточно выраженный инструментальный аспект [16].

Говоря о Византии, невозможно обойти подчеркиваемую многими исследователями аналогию с китайской культурой. Дело не только в том, что образованное сословие в Византии «составляло часть государственного... или церковного... аппарата...» [14, с. 392]. Надежды и интересы византийцев были по большей части связаны с прошлым [13; 18]. Но если в Китае конфуцианская опора на прошлое смогла две тысячи лет обеспечивать стабильность общества, то в Византии заикленность на прошлых идеалах затормозила адаптацию к меняющимся условиям. Отмечаемые исследователями внутренние противоречия Византии [13; 14; 18; 19] во многом связаны с инертностью ее глубинной социальности, выразившейся, помимо прочего, и в устройстве образо-

¹ Справедливости ради нужно заметить, что, судя по комментариям лауреата Филдсовской премии математика Станислава Смирнова, постоянные успехи китайцев на научных олимпиадах не завершаются систематическими достижениями на высшем уровне математического творчества. Однако ясно, что дело здесь вовсе не в недостатке способностей, а в некоторых акцентах китайского образования. Как замечает тот же С. Смирнов, «конечно, они это поправят, но нужно время» [12].

вания. Византийское образование было фактором не обновления, но консервации культурных и социальных установок. Все это привело к неминуемой деградации общества и государства.

В качестве промежуточного напрашивается следующий вывод. Реализуемая в образовании опора на культурное прошлое составляет необходимый момент социального обновления, в какой бы сфере оно не происходило. Как отмечал К. Г. Юнг, «любое обновление, не имеющее глубоких корней в духовной традиции, – эфемерно...» [20, с. 354]. Однако культурное прошлое должно выступать не тянущей назад смысловой гирей, а духовным трамплином, дающим энергию цивилизационного восхождения. При этом осознанный ответ на исторические вызовы современности невозможен без системы фундаментального образования, способной связать глубинную социальность с решением задач настоящего и будущего.

Исходя из сказанного, обратимся к отечественному образованию в его соотношении с глубинной социальностью российского общества. В силу своего «фонового» характера эта социальность ускользает от прямого исследовательского взгляда, укрываясь за историческими и житейскими подробностями. Однако ее наиболее яркие проявления нашли выражение в отечественной литературе. Истоком нашей глубинной социальности выступает духовная и душевная сопричастность, органический тип связи, поддерживаемый архетипами русской культуры. В эпоху Петра I глубинная социальность была трансформирована усилиями государства, ибо ее сохранение в прежнем виде грозило стагнацией всей российской жизни. Однако эта трансформация носила односторонний характер. В сфере внешней социальности были произведены радикальные изменения, затрагивающие иерархическую структуру общества (введение табели о рангах). Что касается глубинной социальности, то ее существенное изменение по сути сводилось к внутреннему размыканию. В результате возможным и желанным становилось приобщение к опыту западной цивилизации и культуры. Вот только эта возможность реализовывалась весьма специфическим образом.

Культурные заимствования не встречали сопротивления на уровне образованного общества, напротив, внутренне перерабатывались русской душой и становились органической частью отечественной культуры. Именно это имел в виду Ф. М. Достоевский, связывая «всемирность и всечеловечность» русского духа [21, с. 147] не с подчинением внешним образцам, но с их переработкой в национальные, внутренне близкие человеку культурные формы: «...по крайней мере, мы

уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. Ведь мог же он вместить чужие гении в душе своей, как родные» [21, с. 148]. С усвоением цивилизационных структур дело обстоит сложнее. Часть из них была заимствована государством без органического включения в систему культурных ценностей. Деловая сфера во многом воспринималась культурой как нечто внешнее; ее отношения не были внутренне сопряжены с этическими смыслами и не включались в традиционный нравственный порядок. Это рождало смысловой диссонанс, несоответствие между тем, что декларировалось в качестве социального долга, и тем, что переживалось под знаком этого качества. «...нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь, – писал А. С. Пушкин П. Чаадаеву. – ...это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине...» [22, с. 867–868]. Ему по-своему вторит А. К. Толстой: «Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет» [23, с. 384].

Опираясь на предыдущие работы [24; 25], можем заключить, что данная ситуация предстает как следствие неразвитости *цивилизующих смыслов культуры*, вдохновляющих внешне (в том числе экономические) усилия человека. В этих условиях цивилизационное обновление могло происходить только под диктатом государственной власти. А. С. Пушкин точно охарактеризовал современную ему реальность, заметив, что «правительство все еще единственный европеец в России» [22, с. 882].

Здесь можно попытаться выразить существо отечественной глубинной социальности. Ее исходным полюсом выступает органическая связь людей, основанная на общем менталитете и внутренней причастности к нашей истории. Спецификой этой связи является равнодушие к формальным (юридическим) ориентирам и стремление к «вольной воле», выводящей за пределы формального закона [26 и др.]. Без ориентации на внутреннюю собранность и рациональный порядок этот полюс не мог стать основой развития общества и государства. В российской истории указанная собранность формировалась не столько изнутри (недостаток цивилизующих смыслов), сколько под влиянием власти. Отсюда – особенность второго полюса нашей глубинной социальности. Он заключается во внутреннем принятии порядка, который, пусть даже он пришел «сверху», не дискредитирует истоки, не нарушает органическое единство, а направляет его в русло, адекватное историческому вызову. Такое сопряжение стихийных основ с ориентацией на организованное развитие требует соответствующей системы образования.

Как ни странно, но проблема остается до сих пор не вполне решенной. С одной стороны, в современном российском обществе (особенно в некоторых его слоях) существует ярко выраженная тенденция к заимствованию западных образцов. С другой стороны, чисто внешнее наложение западных форм на российскую глубинную социальность, не будучи подкреплено адекватными цивилизующими смыслами, оборачивается не столько модернизацией, сколько царством сиюминутных интересов и локальных, не получающих развития достижений. В этом контексте становится ясной значимость образования, не сводящего свои приоритеты к инструментальным аспектам и компетенциям.

Сейчас популярна идея подготовки специалистов «под ключ» [27], готовых сразу приступить к работе по специальности. Это связано со стремлением адаптировать образование под текущие потребности экономики. Как с сожалением отмечает В. А. Садовничий, «мы заменили фундаментальное образование “компетенциями”» [28]. А как быть с высокими темпами технологических изменений, в результате которых специализированные знания и навыки быстро устаревают? Обычный и в принципе верный ответ таков: образование не заканчивается получением диплома, учиться нужно всю жизнь. Однако на этом раздумья над данной темой обычно заканчиваются. А между тем здесь вырисовывается серьезная проблема: что значит – *учиться*? Переобучение, сведенное к простому усвоению новых приемов и методов, будет удерживать мышление специалиста на интеллектуальной поверхности, отсекая его от понимания глубин, вне которых невозможны подлинные, существенные инновации. Непрерывная *творчески ориентированная* перестройка мышления возможна лишь для нового типа личности, которая воспринимает образование не просто как интеллектуальный инструментарий, но как вдохновляющий способ самореализации внутренних сил.

Кроме того, нужно учитывать различие темпов развития, с одной стороны, прикладных технологий, а с другой, – фундаментального знания. Трансформация первых возможна лишь на основе второго. А фундаментальное знание, как известно, изменяется не самыми быстрыми темпами и долго сохраняет свою методологическую значимость. Сегодня у нас, как и на Западе, существует опасная тенденция пренебрегать изучением глубинных оснований ради быстрого освоения новых технологий. «Из лучших университетов Запада выходят очень узкие специалисты, которые знают математику и теорфизику беспорядочно и несравнимо меньше, чем в прошлом. Они не

имеют шансов стать учеными типа Колмогорова, Ландау, Фейнмана и др.», – отмечает академик С. П. Новиков [29, с. 355]. А это резко обедняет сферу возможностей. Ведь прорывные технологические инновации основаны на усвоении широкого горизонта смыслов, который никогда не может быть полностью переведен на язык инструментальных схем.

Кроме того, нельзя не обратить внимание на пренебрежение *социально-статусным* измерением образования. На протяжении всей истории культуры статус образования поддерживался не только авторитетом знания, но и авторитетом учителя [30]. Сегодня учитель (в широком смысле этого слова) фактически сведен к нестатусному обслуживающему персоналу, а значит, он не может в полной мере передать теоретическую глубину и интуитивные основы изучаемого знания, не говоря уже о формировании интеллектуальной и душевной дисциплины своих учеников. Обновление образования не должно сводиться к задачам, связанным с обучением знаниям, умениям, технологиям. Как уже отмечалось ранее, понять проблемы и возможности образования можно, лишь рассматривая его как социокультурный дискурс, объединяющий обучение с воспитанием и внутренним приобщением к основаниям культуры [31]. Однако в современной ситуации речь должна идти не только о формировании человеческих душ, но и об обновлении глубинной социальности. Причем такое обновление должно быть осуществлено не путем идеологического диктата, а через кропотливое создание культурной и экономической среды, в которой индивидуальные достижения стимулируются не только прибылью, но и этическим смыслом. Это может показаться утопией, но разве не об этом писал в свое время М. Вебер, связывая успех зарождавшегося капитализма с влиянием протестантской этики [32]? Обновленная глубинная социальность должна, помимо чисто экономических стимулов, открывать людям духовный смысл внешних достижений и отторгать души от безоглядного социального эгоизма, готового к меркантильным успехам даже ценой общенационального провала. Она призвана обеспечить сопряжение исторической памяти народа с пониманием новых цивилизационных перспектив. Сегодня сформировать такую социальность невозможно без обновления всей системы образования.

Само по себе образование не может изменить глубинную социальность и сопряженные с нею цивилизующие смыслы культуры. Но оно может и должно сформировать новый тип образованного сообщества, продуцирующего эти смыслы как от-

вет на вызовы не только современности, но и будущего [33]. Далекое не все современные университеты стремятся осмыслить эти новые перспективы. Поэтому заслуживает внимания и поддержки стремление, обозначенное в книге Д. А. Ендовицкого – сохранить духовный и культурный код нации [34]. Но сохранить этот код, а значит и свою культурную идентичность, мы можем, лишь обновив глубинную социальность, вдохнув в нее новую жизнь через открытие адекватных новых смыслов цивилизационного роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жаров С. Н.* Образование и общество (часть первая. Глубинная социальность и три измерения образования) / С. Н. Жаров // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2021. – № 4. – С. 35–40.
2. *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – Москва : Вост. лит. РАН, 2001. – 488 с.
3. *Переломов Л. С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н. э. – XXI в.) / Л. С. Переломов. – Москва : Стилсервис, 2009. – 704 с.
4. *Бородич В. Ф.* Идеино-теоретическая платформа нового руководства КПК / В. Ф. Бородич // История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. – Москва : Наука, 2016. – Т. IX. – С. 632–636.
5. *Янгутов Л. Е.* Современная философская и общественно-политическая мысль Китая / Л. Е. Янгутов, А. В. Чебунин // *Вопр. философии.* – 2018. – № 8. – С. 182–191.
6. *Померанц Г. С.* Шеньши как тип средневекового книжника / Г. С. Померанц // История и культура Китая (Сб. памяти акад. В. П. Васильева) / [отв. ред. Л. С. Васильев]. – Москва : Наука, 1974. – С. 362–384.
7. *Закурдаев А. А.* Модель «учитель-ученик» как базовая норма отношений в китайском обществе / А. А. Закурдаев // *Учитель и ученик : становление интерсубъектных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизации Древности и Средневековья).* – Москва : ИТИП РАО, 2013. – С. 222–232.
8. *Чжао Юн.* Кто боится большого злого дракона? Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире / Чжао Юн. – Москва : ИД ВШЭ, 2017. – 304 с.
9. *Барбер М.* Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования / М. Барбер, К. Доннелли, С. Ривзи // *Вопр. образования.* – 2012. – № 4. – С. 109–185.
10. *Ли Цзинь.* Культурные основы обучения : Восток и Запад / Цзинь Ли. – Москва : ИД ВШЭ, 2015. – 464 с.
11. *Чуа Э.* Боевой гимн матери-тигрицы / Э. Чуа. – Москва : АСТ, 2013. – 228 с.
12. Комсомольская правда, 13 февраля 2017. – URL: <https://news.rambler.ru/world/36083861-pochemu-iz-kitayskih-vunderkindov-ne-poluchayutsya-velikie-matematiki/> (дата обращения: 31.07.2021).
13. *Поляковская М. А.* Византия, византийцы, византийцы / М. А. Поляковская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 432 с.
14. *Старостин В. А.* Византийская наука в контексте средневековой культуры / В. А. Старостин // *Античность и Византия* / отв. ред. Л. А. Фрейберг. – Москва : Наука, 1975. – С. 398.
15. *Самодурова З. Г.* Школы и образование / З. Г. Самодурова // *Культура Византии : вторая половина VII–XII в.* / [отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин]. – Москва : Наука, 1989. – С. 366–400.
16. *Гукова С. Н.* Школа и образование в поздней Византии / С. Н. Гукова // *Культура Византии : XIII – первая половина XV в.* / [отв. ред. Г. Г. Литаврин]. – Москва : Наука, 1991. – С. 395–411.
17. *Куц Т.* На закате империи : интеллектуальная среда поздней Византии / Т. Куц. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 456 с.
18. *Кривушин И. В.* Византийское образование при Палеологах / А. И. Кривушин // *Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков : сб. статей и материалов.* – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1995. – С. 20–33.
19. *Алексидзе А. Д.* Византийская народноязычная литература XIII–XV вв. / А. Д. Алексидзе // *Культура Византии : XIII – первая половина XV в.* / [отв. ред. Г. Г. Литаврин]. – Москва : Наука, 1991. – С. 313–340.
20. *Юнг К. Г.* *Mysterium Coniunctionis.* Таинство воссоединения / К. Г. Юнг. – Минск : Харвест, 2003. – 576 с.
21. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1984. – Т. 26. – 520 с.
22. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 10. – 899 с.
23. *Толстой А. К.* История государства русского от Гостомысла до Тимашева / А. К. Толстой // *Толстой А. К. Собр. соч. : в 4 т.* – Москва : Худож. лит., 1963. – Т. 1. – С. 384–400.
24. *Жаров С. Н.* Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России / С. Н. Жаров // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки.* – 1999. – № 1. – С. 52–74.
25. *Жаров С. Н.* Модернизация России как проблема цивилизации и культуры / С. Н. Жаров // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия.* – 2016. – № 3. – С. 42–49.
26. *Померанц Г.* Европейская свобода и русская воля / Г. Померанц // *Померанц Г. Страстная одно-*

сторонность и бесстрастность духа. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитар. инициатив : Универс. книга, 2014. – С. 487–501.

27. Михайличенко С. А. Кадры «под ключ» / С. А. Михайличенко // Высшее образование в России. – 2014. – № 3. – С. 83–88.

28. Садовничий В. «Мы заменили фундаментальное образование “компетенциями”» / В. Садовничий. – URL: https://chr.aif.ru/voronezh/people/rektor_mgu_my_zamenili_fundamentalnoe_obrazovanie_kompetencyami (дата обращения: 05.08.2021).

29. Новиков С. П. Вторая половина XX века и ее итог : кризис физико-математического сообщества в России и на Западе / С. П. Новиков // Историко-математические исследования. Вторая серия. – Москва : Янус-К, 2002. – Вып. 7(42). – С. 326–356.

30. Жаров С. Н. Фигура учителя в истории культуры : авторитет и педагогические возможности / С. Н. Жаров // Вестник Воронежского государствен-

ного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2018. – № 1. – С. 61–66.

31. Жаров С. Н. Образовательный дискурс как единство обучения и формирования личности (история и современность) / С. Н. Жаров // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 4. – С. 12–19.

32. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Вебер М. Избр. произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 61–272.

33. Моисеев Н. Н. Новая цивилизация начинается с образовательных программ / Н. Н. Моисеев // Моисеев Н. Н. Заслон средневековью. Сборник. – Москва : Тайдекс Ко, 2003. – С. 175–183.

34. Ендовицкий Д. А. Ректорский вектор : сборник избранных статей и интервью / Д. А. Ендовицкий. – Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2020. – 660 с.

Воронежский государственный университет

Жаров С. Н. – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Тел.: 8-473-255-08-57

Voronezh State University

Zharov S. N. – Dr. Habil. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: zharov_sn@mail.ru

Tel.: 8-473-255-08-57